

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ РОССИЙСКОГО СЕВЕРА И АРКТИКИ

Научная статья

УДК 332.12

doi:10.37614/2220-802X.2.2025.88.001

АРКТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ РОССИИ 2014 И 2021: ВОЗМОЖНА ЛИ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПРИ СМЕЩЕНИИ ПРИОРИТЕТОВ? ЧАСТЬ 2

Наталья Андреевна Рослякова¹, Александр Дмитриевич Волков², Евгений Александрович Каневский³,
Кирилл Кириллович Боярский⁴, Анастасия Дмитриевна Козлова⁵

^{1, 2, 5}Институт проблем управления имени В. А. Трапезникова Российской академии наук, Москва, Россия

^{3, 4}Институт проблем региональной экономики Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия

¹na@roslyakova24.ru, ORCID 0000-0002-7511-2141

²kov8vol@gmail.com, ORCID 0000-0003-0451-8483

³eak300@mail.ru, ORCID 0000-0002-1498-4632

⁴boyarin9@yandex.ru, ORCID 0000-0002-0306-8276

⁵stasia.kozlova@gmail.com, ORCID 0009-0002-1770-4787

Аннотация. Статья посвящена изучению трансформаций стратегических документов развития российской Арктики в аспекте ожидаемых эффектов проводимой политики, а также согласованности между ценностями, планируемыми мероприятиями и эффектами. Актуальность работы определяется необходимостью обеспечения сбалансированности, преемственности и завершенности регулятивных воздействий в рамках стратегического управления развитием указанного макрорегиона. Цель работы — выявление меры согласованности ценностей, стратегических мероприятий и планируемых социально-экономических эффектов в документах стратегического планирования развития российской Арктики двух периодов принятия, оценка ее динамики. Информационную основу составляют документы, принятые в 2008–2014 гг. (первая волна) и 2020–2021 гг. (вторая волна). Используются методики семантического и контент-анализа с применением системы «ДИСКАНТ (ВЕГА)», парсера SemSin и утилиты Stalker, среды Python. В рамках анализа степени расхождения семантического содержания применен коэффициент Брея — Кёртиса и мера косинусного сходства. Осуществлено структурирование текстов; выявлена динамика изменения смыслового наполнения в рамках ожидаемых эффектов реализации государственной политики; измерена степень внутренней согласованности стратегических документов в рамках двух хронологических периодов с позиции координированности «ценностей», «мероприятий» и «эффектов». Выявлено, что основные трансформации в документах связаны с ростом значимости общих организационных эффектов, смещением акцентов в экономической сфере в сторону проектного управления и привлечения инвестиций, возрастанием значимости эффектов в рамках социальной сферы и рынка труда, обеспечения безопасности в чрезвычайных ситуациях. Установлено, что ценности и ожидаемые эффекты, а также ценности и планируемые мероприятия имеют крайне низкую согласованность. Наибольшей согласованностью отличается пара «мероприятия — эффекты». Результаты анализа показывают, что ценности, как одна из системообразующих категорий стратегических документов, «выпадают» из системы формируемых смыслов. Новизна исследования заключается в актуализации научных знаний об аспектах стратегического целеполагания в управлении развитием российской Арктики на основе применения усовершенствованных методик контент-анализа в изучении текстов программных документов. Практическое значение исследования заключается в дополнении аналитических основ совершенствования подходов к разработке документов стратегического планирования, что может способствовать повышению согласованности государственной политики в российской Арктике.

Ключевые слова: Арктическая зона Российской Федерации, стратегическое планирование, программные документы, стратегические цели, контент-анализ, семантика, согласованность, косинусное сходство

Благодарности: статья подготовлена в рамках проекта Российского научного фонда № 24-78-10166 «Моделирование цифровой трансформации управления пространственным развитием Российской Арктики в условиях неравновесной динамики регионов» (<https://rscf.ru/project/24-78-10166/>).

Для цитирования: Арктические стратегии России 2014 и 2021: возможна ли преемственность при смещении приоритетов? Часть 2 / Н. А. Рослякова [и др.] // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2025. № 2. С. 7–21. doi:10.37614/2220-802X.2.2025.88.001.

STRATEGIC MANAGEMENT FOR THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN NORTH AND ARCTIC

Original article

RUSSIA'S ARCTIC STRATEGIES OF 2014 AND 2021: IS CONTINUITY POSSIBLE AMID SHIFTING PRIORITIES? (PART 2)

Natalia A. Roslyakova¹, Alexander D. Volkov², Evgeniy A. Kanevsky³, Kirill K. Boyarsky⁴, Anastasiia D. Kozlova⁵

^{1, 2, 5}V. A. Trapeznikov Institute of Control Sciences RAS, Moscow, Russia

^{3, 4}Institute for Regional Economic Studies, Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

¹na@roslyakova24.ru, ORCID 0000-0002-7511-2141

²kov8vol@gmail.com, ORCID 0000-0003-0451-8483

³eak300@mail.ru, ORCID 0000-0002-1498-4632

⁴boyarin9@yandex.ru, ORCID 0000-0002-0306-8276

⁵stasia.kozlova@gmail.com, ORCID 0009-0002-1770-4787

Abstract. This article examines the evolution of strategic development documents for the Russian Arctic, focusing on the alignment between policy objectives, planned activities, and anticipated outcomes. The relevance of this research stems from the necessity to ensure balance, continuity, and comprehensiveness in regulatory impacts within the framework of strategic management for this macroregion. The primary aim is to assess the coherence among values, strategic initiatives, and projected socio-economic effects across two distinct periods of document adoption, thereby analyzing their dynamic progression. The analysis is based on documents adopted during two document adoption waves: the first (2008–2014) and the second (2020–2021). Methodologically, the study employs semantic and content analysis techniques utilizing the Discant (Vega) system, the SemSin parser, the Stalker utility, and Python. To quantify semantic divergence, measures such as the Bray-Curtis index and cosine similarity were applied. The texts were structured to reveal changes in semantic content related to expected policy effects over time. Additionally, internal consistency within each period was evaluated by examining the coherence among the following three categories: “values,” “initiatives,” and “effects.” The findings indicate that major transformations in these documents are associated with an increased emphasis on general organizational effects, a shift toward project management and investment attraction within the economic sphere, heightened importance of social effects and labor market considerations, and a focus on safety in emergencies. Notably, the analysis reveals that values and effects, as well as values and initiatives, exhibit extremely low levels of coherence. The “measures–effects” pair demonstrates the highest degree of coherence. The results suggest that values—fundamental system-forming categories within strategic documents—tend to be disconnected from the system of meanings constructed in these texts. The novelty of this research lies in its contribution to scientific understanding of strategic goal-setting processes in managing Arctic development through advanced content analysis techniques applied to policy documents. In terms of its practical application, the research improves analytical frameworks for refining approaches to developing strategic planning documents, ultimately supporting greater coherence in public policy for the Russian Arctic.

Keywords: Russian Arctic, strategic planning, policy documents, strategic goals, content analysis, semantics, coherence, cosine similarity

Acknowledgments: This research was funded by the Russian Science Foundation, project number 24-78-10166 “Digital Transformation Modeling for Spatial Development Management in the Russian Arctic Amid Regional Instability” (<https://rscf.ru/project/24-78-10166/>).

For citation: Roslyakova N. A., Volkov A. D., Kanevsky E. A., Boyarsky K. K., Kozlova A. D. Russia's Arctic strategies of 2014 and 2021: Is continuity possible amid shifting priorities? (Part 2). *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poriadka* [The North and the Market: Forming the Economic Order], 2025, no. 2, pp. 7–21. doi:10.37614/2220-802X.2.2025.88.001.

Введение

Вопросы совершенствования системы стратегического планирования в управлении социально-экономическим развитием России и ее регионов приобретают в настоящее время особую актуальность. С одной стороны, эта актуальность обусловлена усложнением макроэкономических и глобальных геополитических условий реализации государственного управления [1], с другой стороны, выявленными проблемами в государственном стратегическом планировании [2].

Эксперты отмечают не только низкую степень синхронизации целей, задач и приоритетов развития между стратегическими документами федерального и регионального уровней [3], но и прямые противоречия и конфликты между их положениями [4], необеспеченность процессов реализации стратегических мероприятий достаточными информационными основами, в том числе статистическими данными [5], общую несогласованность между целями в управлении [6].

Справедливы указанные замечания и в отношении стратегий макрорегионального и регионального уровней (например, [7]). Одной из наиболее актуальных проблем, касающихся разработки документов стратегического планирования развития Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ)¹, является нарушение принципа единства и целостности системы стратегического планирования² [8]. Более того, в рамках исследований выявляются аспекты непоследовательности, несоответствия между смысловым наполнением стратегических документов и целеполаганием [9]. В контексте выявленных недочетов и несоответствий в процессе стратегического планирования развития российской Арктики встает вопрос о согласованности таких структурных составляющих стратегического целеполагания, как планируемые мероприятия и формирующиеся в результате реализации стратегий эффекты. Их согласованность является необходимым условием обеспечения системности стратегических документов. Отдельного внимания заслуживает оценка динамики согласованности при сравнении арктических стратегических документов первой (2008–2014 гг.) и второй (2020–2021 гг.) волн. Отсутствие исследовательских работ в области применения развитых методов семантического анализа к корпусу документов стратегического планирования АЗРФ при определении меры соответствия системы мероприятий, направленных на достижение целей стратегии, ценностей и планируемых эффектов определяет постановку цели исследования и его задач. Цель работы — выявление меры согласованности ценностей, стратегических мероприятий и планируемых социально-экономических эффектов в документах стратегического планирования развития российской Арктики первого и второго периодов принятия, а также оценка ее динамики.

Для достижения цели исследования предполагается решить следующие задачи:

- определение значимых смысловых конструкций, классификация и структурирование текстов с применением метода контент-анализа и соответствующих программных средств;
- выявление динамики изменения содержания отдельных понятий, относимых к группе «эффектов», в рамках документов первой (2008–2014 гг.) и второй (2020–2021 гг.) групп;
- измерение степени внутренней согласованности и системности стратегических документов и сравнение уровней этих параметров в рамках

двух хронологических периодов с позиции соорганизованности «ценностей», «мероприятий» и «эффектов».

Новизна представленного исследования заключается в актуализации и дополнении научных знаний об аспектах стратегического целеполагания в управлении развитием российской Арктики на основе применения усовершенствованных методик контент-анализа в изучении текстов программных документов. Выявление параметров согласованности ценностей, стратегических мероприятий и ожидаемых эффектов позволит сформировать аналитические основы совершенствования процедур регулирования и целеполагания в развитии арктического макрорегиона.

Обзор литературы

Исследование вопросов согласованности проводимой властями публичной политики набирает популярность в мировых научных исследованиях начиная с 80-х гг. XX в. [10]. В основе этого интереса лежат объективное возрастание сложности общественных систем и соответствующих структур управления, дифференциация субъектов общественного развития и необходимость учета их интересов в рамках проводимой политики [11]. Принципы экономической эффективности зачастую уступают место гуманитарным, биосферным, геостратегическим интересам, нередко вступающим в противоречие друг с другом. В то же время, в соответствии с принципами диалектического подхода, реализованного в отношении социально-экономических процессов К. Марксом [12], характер этого противоречия может быть преодолен при трансформации системного подхода к соорганизации их взаимосвязи, основанного на целостном восприятии противоречащих сторон. Поэтому естественным следствием является развитие в научном дискурсе систем и принципов оценки и согласования разнонаправленных интересов акторов общественного развития.

В среде исследователей существует консенсус относительно того, что чем выше согласованность политики, тем ниже риски ее провала и выше институциональная стабильность в регулируемых социально-экономических системах [10].

Методологически соответствующие работы строятся, как правило, на социологических методах сбора информации либо на работе с наборами нормативно-правовых актов, документов стратегического планирования и т. д.,

¹ Далее в тексте используются наименования «российская Арктика», «АЗРФ», «арктический макрорегион», которые мы употребляем в качестве синонимов.

² Предусмотренного Федеральным законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ.

представляющих готовые текстовые данные, и на последующем применении контент-анализа [13]. Методики и программные средства, применяемые в рамках дальнейшей аналитической обработки, существенно различаются и зависят от компетенций, ресурсной обеспеченности научных коллективов, а также от предметного контекста исследования.

Так, в работе N. Debbage et al. отмечается возрастание целостности в содержании документов стратегического планирования в рамках разрабатываемых в городах США «Планов действий по климату» (Climate Action Plans) [14]. В результате проведенного контент-анализа кейсов 203 городов авторами была определена степень выраженности в соответствующих плановых документах каждой из трех составляющих повестки устойчивого развития: выбросы парниковых газов, локальные аспекты жары и наводнений; эколого-экономические и медицинские аспекты; смягчение последствий, адаптация и равенство возможностей. Также выявлялись факторы, влияющие на соотношение указанных аспектов в проводимой политике: численность населения города, географическое расположение, ресурсная обеспеченность муниципалитетов и время принятия стратегического документа. В качестве методик анализа использовались тесты Краскала — Уоллеса [15] и Вилкокса [16], а также ресурсы программного пакета R.

Исследование K. Esmonde et al. посвящено выявлению конфликта между мерами по реализации четырех основных целей политики преодоления пандемии COVID-19: защита общественного здоровья; поддержка экономики; благополучие населения и сохранение индивидуальных свобод [17]. Авторами были выявлены изменения соотношения между указанными целями на протяжении процесса реализации политики, а также установлены причины, обуславливающие эти изменения. Работа построена на данных, полученных в результате интервьюирования специалистов, разрабатывавших политику преодоления пандемии COVID-19.

Также на материалах качественных социологических исследований основывается анализ согласованности политики продовольственного обеспечения в Великобритании, проведенный R. Kidd и C. Reynolds [18]. Авторы использовали методику полуструктурированного интервью в рамках сбора фактологического материала и ресурсы программного комплекса NVivo в рамках содержательного анализа и выявления приоритетных вопросов продовольственной политики местных органов самоуправления, набора реализуемых функций и их соотношения и т. д. Было показано, что, несмотря на сложную структуру местных органов власти Великобритании, ответственных за продовольственную политику,

общая согласованность политики как внутри отдельных муниципальных органов, так и между ними является высокой. В то же время поставлена под сомнение согласованность между политиками местной и центральной власти.

В работе L. Vidal-Hernández et al. анализ согласованности инструментов политики в области нивелирования и минимизации прибрежных рисков опирался в том числе на исследование пространственных аспектов согласованности с использованием программных средств QGIS (в частности, в рамках исследования практик прибрежного строительства в разных муниципалитетах) [19]. В работе E. Albrecht et al. при исследовании горизонтальной и вертикальной согласованности политики в регионе Архипелагового моря (Финляндия) авторы в рамках контент-анализа опирались на комплексные данные, полученные как в результате отбора документов в сфере управления, так и в рамках тематических интервью [20]. Аналогичного подхода в работе с данными придерживались F. B. Ancarí et al. при анализе динамики согласованности политики муниципалитета Большой Лондон в области циркулярной экономики [21]. Авторы отмечают дифференцированное воздействие ряда факторов на общее улучшение указанной согласованности, выделяя в качестве основного применение принципов циркулярной экономики в рамках строительных регламентов и документации.

В отечественной практике исследования согласованности политики определенное развитие получили методы и подходы к анализу стратегических документов. Так, В. И. Блануца выделяет сравнительно-географический, кластерный, конвергентный, геополитический и лимнологический подходы в их анализе [22]. В работе В. Ш. Сургуладзе применены методы контент-анализа к изучению трансформации ключевых понятий в Стратегиях национальной безопасности Российской Федерации 2015 и 2020 гг. [23]. Зарубежная практика в области использования программных продуктов в различных процедурах контент-анализа документов чрезвычайно разнообразна. В. Grimmer и B. Stewart приводят развернутую классификацию этапов и методов количественного контент-анализа, отмечая, помимо традиционных направлений, такое необычное, как, например, идентификация идеологической приверженности политического деятеля [24]. В качестве одной из ключевых проблем для использования количественных подходов в контент-анализе они определяют ошибки в классификации токенов, и при этом подчеркивается, что, ввиду сложной природы языка как средства передачи информации, автоматизированные методы контент-анализа никогда не заменят внимательного и тщательного вычитывания

текста человеком [24, с. 268]. Отмечая аналогичные проблемы в сфере автоматизированных методов контент-анализа текстов, С. Baden et al. указывают на определенный перекоп в их развитии и чрезмерный приоритет, отдаваемый технологическим проблемам. При этом вопросы осмысленного подбора данных и источников, оценка степени их достоверности и объективности, то, что называется процессом валидации при социальных научных измерениях, часто остается без должного внимания [25]. Р. Mayring среди наиболее популярных и востребованных программных комплексов для проведения качественного контент-анализа выделяет ATLAS.ti, MAXQDA, CAQDAS, QCAmap [26]. При этом исследователь подчеркивает важность реализации комплексной методологии, соединяющей аспекты количественного и качественного контент-анализа [26, с. 8–10].

При общем распространении исследований в области оценки согласованности политики и стратегических документов, инструментарий и методические подходы продолжают развиваться. Большое количество потенциальных объектов исследования, представленных регулирующими общественными системами, происходящие в них трансформационные процессы и обусловленная ими необходимость контроля и коррекции подходов в управлении определяют возрастание актуальности исследования аспектов согласованности проводимой политики. В то же время, как отмечается в работе [9], наблюдается определенный дефицит исследований согласованности политики и стратегических документов развития регионов АЗРФ. Представленная работа восполняет этот пробел и является продолжением ранее опубликованного исследования, посвященного анализу и сопоставлению ценностей и мероприятий, предусмотренных в стратегических документах развития российской Арктики [9].

Методы

Методология представленного исследования достаточно подробно описана в работе [9]. Дополнительные аспекты заключаются в смещении акцента на анализ ожидаемых эффектов от реализации стратегических документов и выявлении согласованности мероприятий, ценностей и указанных эффектов в рамках их сопоставления. Дальнейший анализ динамики согласованности документов стратегического планирования опирается на сопоставление результатов предварительного анализа в рамках стратегических документов развития российской Арктики двух волн принятия: в период 2008–2014 гг. (документы первой волны) и в период 2020–2021 гг. (документы второй волны).

К первой волне относятся Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу, утвержденные в 2008 г.; Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года, утвержденная в 2013 г.; государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации», утвержденная в 2014 г.

Ко второй волне относятся Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года, утвержденные в 2020 г.; Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года, утвержденная в 2020 г.; государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации», утвержденная в 2021 г.

Развернутый анализ стратегических мероприятий был осуществлен ранее в работе [9]. В связи с этим в представленном исследовании на первом этапе основное внимание уделяется анализу ожидаемых эффектов в рамках реализации стратегий. Анализ эффектов основан на выявлении n-грамм с их ранжированием в соответствии со значением нормированного показателя «число упоминаний на миллион слов» (instance per million, ipm).

В рамках контент- и семантико-синтаксического анализа текстов использовались система «ДИСКАНТ (ВЕГА)», парсер SemSin и утилита Stalker [27; 28]. Внутренняя согласованность эффектов измерялась с помощью коэффициента меры несходства Брея — Кёртиса:

$$B = 1 - \frac{2C_{ij}}{S_i + S_j'}$$

где S_i и S_j — суммы частот n-грамм по каждой выборке: До (i) и После (j), а C_{ij} — сумма меньших значений частот для тех n-грамм, которые в обеих выборках совпадают. Обратный коэффициент B, равный 1, является мерой сходства.

После формирования алфавитных и частотных словарей стратегических документов обеих волн на основе заданных шаблонов N-грамм и с учетом смыслов, идентифицируемых по ключевым словам-маркерам, была отобрана группа смыслов, соответствующих ожидаемым эффектам от реализации стратегических мероприятий, предусмотренных документами. На следующем этапе было осуществлено их сопоставление с предусмотренными мероприятиями и выявлена согласованность на основе косинусного сходства (cosine similarity), реализованного в среде Python. Метод основан

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ РОССИЙСКОГО СЕВЕРА И АРКТИКИ

на преобразовании отобранных словосочетаний в векторный формат, который позволяет учитывать как лексическую, так и семантическую (контекстуальную) близость за счет присвоения каждой лемме порядкового номера и учета их комбинаций в словосочетаниях (библиотеки: *pandas*, *nlTK*, *rumorphy3*, *sklearn*). Далее для каждой пары векторов (словосочетаний) рассчитывается угловое расстояние между ними:

$$\cos(a, b) = \theta = \frac{\sum_{i=1}^n a_i b_i}{\sqrt{\sum_{i=1}^n a_i^2} \times \sqrt{\sum_{i=1}^n b_i^2}},$$

где *a* и *b* — векторное представление анализируемых словосочетаний. Поскольку значения векторов принимают только положительные значения, результат будет находиться в диапазоне [0; 1]. $\theta = 0$, если два вектора ортогональны, то есть словосочетания не имеют сходства (ни повторяющихся слов, ни повторяющихся комбинаций); $\theta = 1$, если два вектора параллельны, то есть словосочетания полностью идентичны. Рассчитанные парные расстояния

суммируются для каждой группы (библиотека *sklearn*). Визуализация реализована через график схожести (библиотека *seaborn*).

На заключительном этапе была рассмотрена динамика согласованности, которая реализована на основе сопоставления коэффициентов θ для отдельных аспектов в наборах документов первой и второй волн и визуализирована через построение соосных плоскостей, отражающих взаимосвязи отдельных аспектов попарно.

Результаты

Ожидаемые эффекты от реализации стратегических документов развития АЗРФ и их трансформация

Рассмотрим предполагаемые эффекты от реализации документов стратегического планирования. Эффекты, предусмотренные первой волной стратегических документов, представлены в табл. 1, второй волной — в табл. 2 и расположены в порядке убывания относительной частоты упоминания в массиве документов.

Таблица 1

Предполагаемые эффекты в рамках стратегических документов развития российской Арктики первой волны (2008–2014 гг. принятия)

№	Эффекты	Частота, ipm
1	реализации государственной политики	644
2	реализации основного мероприятия	419
3	реализации инвестиционных проектов	290
4	создание радиоэлектронного оборудования	258
5	освоения континентального шельфа	225
6	реализации государственной программы	193
7	внедрение современных технологий	161
8	внедрения инновационных технологий	161
9	освоение природных ресурсов	161
10	освоения минерально-сырьевого потенциала	161
11	создание единой системы	161
12	усиление технических средств	161
13	ликвидация экологических последствий	129
14	освоения минеральных ресурсов	129
15	освоения морских месторождений	129
16	освоения полезных ископаемых	129
17	расширение взаимовыгодного международного сотрудничества	129
18	реализации национальных интересов	129
19	созданием транспортной инфраструктуры	129
20	созданию современных научных геоинформационных основ	129
21	сохранения природной среды	129
22	строительство автомобильной дороги	129

Примечание. Источник: составлено авторами на основе расчетных данных.

Таблица 2

Предполагаемые эффекты в рамках стратегических документов развития
 российской Арктики второй волны (2020–2021 гг. принятия)

№	Эффекты	Частота, ipm
1	реализации проекта	2117
2	реализации Стратегии	1999
3	реализация программы	1646
4	реализации настоящей Стратегии	1529
5	реализации мероприятий	882
6	реализации государственной политики	764
7	реализации экономических проектов	764
8	объектам капитального строительства	706
9	Основными направлениями реализации	706
10	реализации государственной программы	647
11	реализация комплекса	647
12	создание системы	588
13	реализации инвестиционных проектов	529
14	реализации следующих мер	529
15	освоения Арктики	470
16	реализации комплексной государственной программы	470
17	привлечения инвестиций	412
18	реализации социального развития	412
19	достижения целей	353
20	реализации экономических инфраструктурных проектов	353
21	внедрение технологий	294
22	модернизация объектов	294
23	освоении месторождений	294
24	Основным механизмом реализации	235
25	привлечения внебюджетных инвестиций	235
26	создание аварийно-спасательного подразделения	235
27	создании новых рабочих мест	235
28	создания подводной волоконно-оптической линии	235
29	ликвидации последствий	176
30	реализации новых инвестиционных проектов	176

Примечание. Источник: составлено авторами на основе расчетных данных.

В документах первой волны наиболее представлены эффекты, имеющие общий характер и организационное значение: «реализации государственной политики» и «реализации основного мероприятия». Более частные, предметные эффекты начинаются с третьего по частоте. Ключевыми являются «реализация инвестиционных проектов», «создание радиоэлектронного оборудования», «освоения континентального шельфа» и другие, представленные в табл. 1. В целом можно говорить об общей деконцентрации смыслов на достаточно большом спектре эффектов, имеющих относительно равное значение.

В документах второй волны мы видим гораздо большее насыщение текстов общими организационными эффектами, а также значительное

возрастание частоты их упоминания. Конкретизация эффектов начинается с седьмого по частоте упоминания — «реализации экономических проектов», а переход к конкретным эффектам — с семнадцатого по счету. Несмотря на то, что относительная частота упоминания конкретных эффектов выше, чем в документах первой волны, можно отметить чрезмерный акцент на общих и организационных направлениях.

В рамках обобщения выявленных смысловых единиц эффекты были разделены на группы. Пример одной из таких групп представлен в табл. 3.

Всего было выделено восемь основных групп, а также шесть одиночных эффектов, не объединенных в группы. Обобщенная частота упоминания составляющих их эффектов представлена в табл. 4.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ РОССИЙСКОГО СЕВЕРА И АРКТИКИ

Таблица 3

Эффекты, составляющие группу «Реализация проектов» в стратегических документах развития российской Арктики первой и второй волн принятия

Эффекты	Частота, ipm	
	Первая волна	Вторая волна
реализации инвестиционных проектов	290	529
реализации проекта	0	2117
реализации экономических проектов	0	764
реализации экономических инфраструктурных проектов	0	353

Примечание. Источник: составлено авторами на основе расчетных данных.

Таблица 4

Относительная частота упоминания эффектов по группам в стратегических документах развития российской Арктики первой и второй волн принятия

Группы / эффекты	Частота, ipm	
	Первая волна	Вторая волна
Группы эффектов:*		
Реализация стратегических документов	1353	7937
Реализация проектов	290	3763
Экономическое освоение	1063	764
Привлечение инвестиций	0	823
Технологическое развитие	483	294
Создание инфраструктуры	355	0
Создание радиоэлектронного оборудования	258	235
Сохранение природной среды	355	176
Одиночные эффекты:		
Реализации социального развития	0	412
Создание аварийно-спасательного подразделения	0	235
Создание новых рабочих мест	0	235
Расширение взаимовыгодного международного сотрудничества	129	0
Реализации национальных интересов	129	0
Созданию современных научных геоинформационных основ	129	0

Примечание. Источник: составлено авторами на основе расчетных данных.

Мы видим, что упоминание общих и организационных эффектов возросло более чем в 5,8 раз, в то время как акцент в экономической сфере сместился с достаточно общего экономического развития в сторону реализации проектов и привлечения инвестиций. Также произошло определенное снижение внимания к внедрению технологий, созданию инфраструктуры, сохранению природной среды, а также к геополитическим и международным аспектам. Можно говорить о концентрации смыслов в рамках категорий проектного управления: вероятно, значительная часть отдельных эффектов вошла в группу «Реализация проектов» в качестве частных случаев. При этом возросло внимание к эффектам в области социальной сферы и рынка труда, а также обеспечения безопасности в чрезвычайных ситуациях. Значительная мера преемственности в ключевых (наиболее часто встречающихся) эффектах

отражается в довольно высоком уровне коэффициента Брея — Кёртиса, который составил 0,68.

Рассматривая динамику отдельных эффектов внутри групп, можно сделать следующие наблюдения. В рамках группы «Реализация стратегических документов» наблюдается расширение спектра близких по смыслу, но имеющих разный смысловой оттенок и степень конкретизации эффектов. Группа «Реализация проектов» характеризуется значительным увеличением разнообразия эффектов и переходом от единственной формы «реализация инвестиционных проектов», наблюдаемой в документах первой волны, к формам «реализация экономических проектов», «реализация экономических инфраструктурных проектов», «реализация инвестиционных проектов» и к наиболее общей «реализация проектов», наблюдаемой в рамках документов второй волны. Связанная группа

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ РОССИЙСКОГО СЕВЕРА И АРКТИКИ

«Привлечение инвестиций» не имела самостоятельного выраженного значения в документах первой волны, в то время как в дальнейшем определенную значимость приобрели эффекты «привлечение инвестиций», «привлечение внебюджетных инвестиций» и «реализации новых инвестиционных проектов».

В группе «экономическое освоение», напротив, наблюдается значительное сужение спектра смыслов. Исчезла детализация таких эффектов, как «освоения континентального шельфа», «освоение природных ресурсов», «освоения минерально-сырьевого потенциала», «освоения морских месторождений», «эффективного освоения природных ресурсов», и ряда других. В документах второй волны их заменили более часто упоминаемые, но при этом более общие эффекты «освоение Арктики» и «освоение месторождений».

Группа эффектов «технологическое развитие» демонстрирует снижение разнообразия смыслов и переход от «внедрения современных технологий», «внедрения инновационных технологий», «усиления технических средств» к единственному эффекту «внедрение технологий». Схожая, но еще более резкая тенденция наблюдается в группе «создание инфраструктуры». Мы видим полное исчезновение представляющих ее эффектов в рамках документов второй волны. Ранее она, будучи относительно малоупоминаемой, была все же представлена такими эффектами, как «создание транспортной инфраструктуры», «строительство автомобильной дороги», «создание современной инфраструктуры».

В рамках относительно малопредставленных групп «создание радиоэлектронного оборудования» и «сохранение природной среды» мы видим полную трансформацию смыслов. В первой из них эффект «создание радиоэлектронного оборудования» исчез и уступил место «созданию подводной волоконно-оптической линии». Во второй эффекты «ликвидация экологических последствий», «сохранение природной среды» и «ликвидация их последствий» сменяется эффектом «ликвидация последствий».

Согласованность ценностей, мероприятий и эффектов в рамках стратегических документов первой и второй волн

Сопоставление выявленных ранее ключевых ценностей («безопасность», «образование», «жизнь», «доступность», «традиционный образ», «интерес»), мероприятий («реализация проектов», «государственная поддержка», «создание инфраструктуры», «привлечение инвестиций», «создание рабочих мест») [9] и установленных в рамках представленной работы эффектов осуществляется в рамках методики определения косинусного расстояния. Сопоставлены три пары категорий — «ценности — мероприятия», «мероприятия — эффекты» и «ценности — эффекты» — отдельно в рамках документов первой (кодировка «-до») и отдельно в рамках документов второй (кодировка «-после») волн. Попутно сопоставлялись пары соответствующих друг другу категорий в рамках документов первой и второй волн. Результаты расчетов представлены на рис. 1.

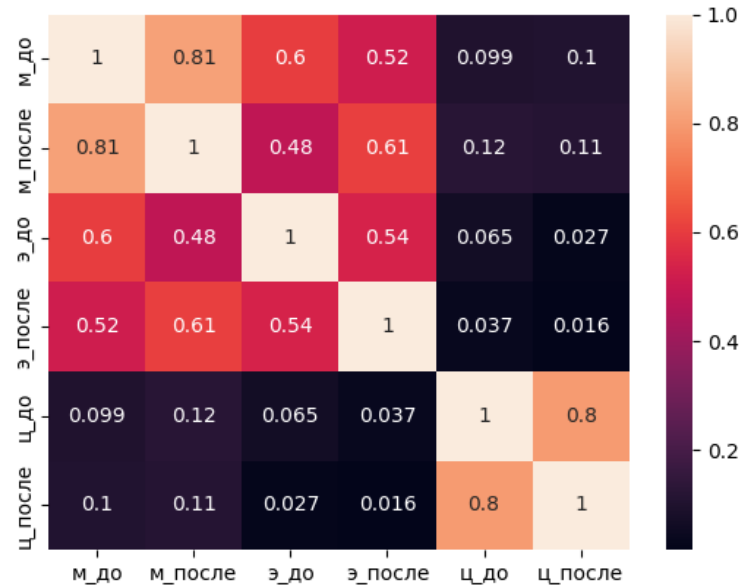

Рис. 1. Результаты попарного сопоставления ценностей, мероприятий и ожидаемых эффектов от реализации стратегических документов развития российской Арктики первой и второй волн принятия.
Источник: составлено авторами на основе расчетных данных

Мы видим крайне низкую согласованность ценностей и мероприятий как в рамках документов первой (0,099), так и в рамках документов второй (0,11) волны. В документах второй волны наблюдается небольшое увеличение меры согласованности между целями и мероприятиями. Еще более низкой согласованностью характеризуются соотношения между ценностями и эффектами (0,065 и 0,016). И здесь, напротив, наблюдается существенное снижение меры согласованности в документах второй волны. Фактически результаты анализа показывают, что ценности, как одна из системообразующих категорий, составляющих

концепцию стратегических документов, «выпадают» из системы формируемых смыслов.

Наибольшей согласованностью отличается пара «мероприятия — эффекты»: в рамках документов первой волны значение коэффициента согласованности составляет 0,60; в рамках документов второй волны — 0,61. Для нее, так же как для пары «ценности — мероприятия», мы видим стабильность уровня в документах двух волн.

Сопоставление динамики меры согласованности пар «ценности — мероприятия», «мероприятия — эффекты» и «ценности — эффекты», наблюдаемой в рамках документов первой и второй волн, представлено на рис. 2.

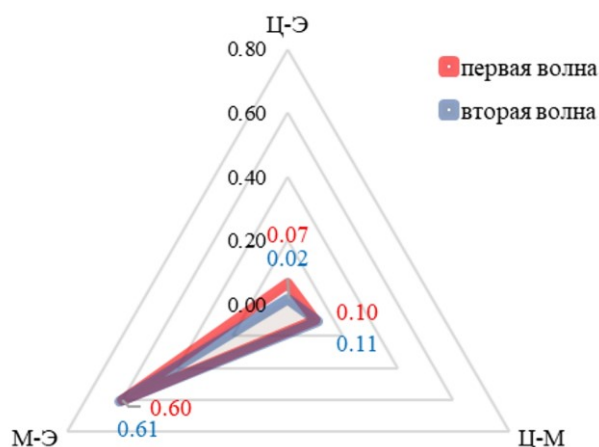

Рис. 2. Оценка меры согласованности отдельных аспектов в стратегических документах развития российской Арктики первой и второй волн принятия на основе косинусной близости.

Источник: составлено авторами на основе расчетных данных

С точки зрения внутренней согласованности документов динамику можно охарактеризовать как в целом отрицательную. Значительными по величине, но менее выраженными по динамике являются соотношения «ценности — мероприятия» и «мероприятия — эффекты». Они характеризуются минимальными, но положительными изменениями. Наиболее выражена динамика в паре «ценности — эффекты». Она характеризуется наиболее выраженной и отрицательной динамикой при крайне низких абсолютных значениях согласованности. В целом выраженность динамики в разрезе пар рассматриваемых категорий обратно пропорциональна значению показателя согласованности.

Выводы и дискуссия

Рассматривая группу эффектов «реализация проектов», мы можем констатировать как увеличение внимания к данному аспекту стратегического развития, так и общее увеличение детализации предполагаемых эффектов. В целом при обобщении динамики эффектов в рамках групп «реализация

проектов» и «привлечение инвестиций» мы можем говорить о значительном возрастании внимания органов государственной власти к регулированию инвестиционной и проектной деятельности в арктическом макрорегионе.

В группе «экономическое освоение» при сужении спектра частных эффектов мы видим уход от аспектов, связанных с освоением морских месторождений и шельфа. Очевидно, это связано с сохраняющейся экономической недоступностью запасов углеводородов в условиях существующей конъюнктуры рынков.

Оценивая динамику группы «технологическое развитие», можно предполагать определенное снижение внимания к данному аспекту со стороны органов государственной власти: наряду с общим снижением упоминаемости эффектов данной группы, происходит значительное сокращение их детализации. Аналогичный вывод мы можем сделать в отношении эффектов, связанных с аспектами создания инфраструктуры и сохранения природной среды. Кроме того, полностью исчезли эффекты, связанные с расширением международного

сотрудничества, реализацией национальных интересов и таким частным аспектом, как создание современных научных геоинформационных основ.

Вероятно, часть аспектов развития, связанная с созданием инфраструктуры, технологическим и экономическим развитием, перешла в формат проектного управления, так как, наряду с сокращением ряда групп, мы видим значительное возрастание упоминания эффектов, относящихся к реализации проектов.

Обобщая выводы двух частей исследования, стоит сказать, что в ценностях мы видим сохранение и усиление концентрации внимания на ключевых группах — безопасность, образование, условия жизни, стратегические интересы. При этом наблюдается значительное сокращение спектра второстепенных ценностей, исчезают такие группы, как «гражданское общество», «доход», «труд» и «занятость».

В мероприятиях мы видим сохранение преемственности для ключевых групп мероприятий «обеспечение безопасности», «реализация проектов», в то же время преемственность части мероприятий сочетается с трансформацией других. Например, происходит перераспределение акцентов от группы мероприятий «освоение месторождений» в сторону более широкого спектра видов экономической активности, связанных со взаимодействием государства и бизнеса («государственная поддержка», «привлечение инвестиций», «создание инфраструктуры»).

В части эффектов в документах второй волны мы видим гораздо большее насыщение текстов общими организационными эффектами и значительное возрастание частоты их упоминания (более чем в 5,8 раз). Несмотря на то, что относительная частота упоминания конкретных эффектов в документах второй волны выше, чем в документах первой волны, можно отметить чрезмерный акцент на общих и организационных направлениях. Акцент в экономической сфере сместился с достаточно общего «экономического развития» в сторону реализации проектов и привлечения инвестиций. Возросло внимание к эффектам в области социальной сферы и рынка труда, а также обеспечения безопасности в чрезвычайных ситуациях. В целом мы можем констатировать значительное увеличение значимости группы экономических и в меньшей степени группы социальных эффектов. Повышение их детализации говорит о значительном усилении внимания государства к поиску эффективных регулятивных механизмов активизации экономического и социального развития российской Арктики.

Делая вывод об изменении системы управления развитием российской Арктики, стоит сказать, что ценности, которые выражают аспект стратегического целеполагания, демонстрируют наибольшую степень

преемственности (коэффициент Брея — Кёртиса 0,22). В то же время инструментальные аспекты, больше связанные с тактическим уровнем управления (мероприятия и эффекты), претерпели гораздо более выраженные трансформации в ответ на изменение геополитических, экономических, социальных и прочих условий (коэффициенты Брея — Кёртиса 0,44 и 0,68 соответственно). Это соответствует логике оперативного управления и регулирования инструментов развития. Однако в рамках системных свойств это рождает повышение рассогласованности между ценностями и эффектами: мера согласованности сократилась со значения 0,07 до 0,02 (мера косинусного сходства). Это выражается в том, что реализуемые управленческие воздействия начинают во всё меньшей степени вести систему в сторону достижения и реализации целей и ценностей. Соответственно, ответ на ключевой вопрос, вынесенный в заголовок статьи, — достигнута лишь частичная преемственность. Для обеспечения системной преемственности приоритетное значение имеют такие изменения инструментов управления, которые будут повышать согласованность эффектов с целями (ценностями) развития.

Фактически результаты анализа показывают, что ценности, как одна из системообразующих категорий, составляющих концепцию стратегических документов, «выпадают» из системы формируемых смыслов. Наибольшей согласованностью отличается пара «мероприятия — эффекты». Общее снижение согласованности может быть связано с периодом макроэкономической и геополитической турбулентности рубежа десятилетий, формирующим определенный лаг в обеспечении последовательности и системности в рамках целей, ценностей, мероприятий и планируемых эффектов. Успешность внутренней и горизонтальной синхронизации управленческих документов определяется как компетентностью регулирующего субъекта, так и дальнейшей динамикой и параметрами внешней и внутренней среды. При этом положительным аспектом является достаточно высокая и стабильная согласованность планируемых мероприятий и ожидаемых эффектов.

Практическое значение исследования заключается в дополнении аналитических основ дальнейшего совершенствования подходов к разработке и согласованию документов стратегического планирования, повышению согласованности государственной политики. В соответствии с этим практические рекомендации заключаются в следующем:

— преодоление гипертрофии общих и организационных направлений в рамках смыслового наполнения документов, обеспечение

пропорциональности развития общих и частных аспектов документов стратегического планирования;

— обеспечение преемственности ожидаемых эффектов стратегического управления в сферах технологического развития, создания инфраструктуры и экологической безопасности;

— кардинальный пересмотр аспектов, определяющих согласованность ценностей и мероприятий, ценностей и эффектов; уделение определенного внимания аспектам согласованности ценностей и эффектов, обнаруживающих выраженную отрицательную динамику.

Перспективы дальнейших исследований связаны с изучением внутренней согласованности

и непротиворечивости документов муниципального и отдельно регионального уровней, а также аспектов горизонтальной (в разрезе муниципальных образований и регионов) и вертикальной (связки муниципальный — региональный — федеральный уровни) согласованности стратегического планирования. Отдельного внимания заслуживает дальнейшее изучение вопросов преемственности смыслового наполнения ценностей, стратегических мероприятий и планируемых социально-экономических эффектов в стратегических документах с разделением на системные и частные аспекты данной преемственности.

Список источников

1. Ленчук Е. Б., Филатов В. И. Совершенствование методологических подходов к формированию системы стратегического планирования в России // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 4. С. 9–26. <https://doi:10.24411/2073-6487-2020-10039>.
2. Ленчук Е. Б. Стратегическое планирование в России: проблемы и пути решения // Инновации. 2020. № 2. С. 24–28. <https://doi:10.26310/2071-3010.2020.256.2.003>.
3. Беляевская-Плотник Л. А., Сорокина Н. Ю. Синхронизация приоритетов социально-экономического развития Российской Федерации и регионов в документах стратегического планирования // Региональная экономика. Юг России. 2022. Т. 10, № 1. С. 16–26. <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2022.1.2>.
4. Минакир П. А. Российское экономическое пространство. Стратегические тупики // Экономика региона. 2019. Т. 15, вып. 4. С. 967–980. <https://doi.org/10.17059/2019-4-1>.
5. Кузнецова О. В. Стратегия пространственного развития Российской Федерации: иллюзия решений и реальность проблем // Пространственная экономика. 2019. Т. 15, № 4. С. 107–125. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2019.4.107-125>.
6. Братченко С. А. Несогласованность целей в государственном управлении // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 6. С. 78–108. https://doi:10.52180/2073-6487_2023_6_78_108.
7. Климанов В. В., Будаева К. В., Чернышова Н. А. Промежуточные итоги стратегического планирования в регионах России // Экономическая политика. 2017. Т. 12, № 5. С. 104–127. <https://doi:10.18288/1994-5124-2017-5-06>.
8. Блануца В. И. Пространственное развитие Арктической зоны России: анализ двух стратегий // Арктика: экология и экономика. 2021. Т. 11, № 1. С. 111–121. <https://doi:10.25283/2223-4594-1-111-121>.
9. Волков А. Д., Рослякова Н. А., Каневский Е. А., Боярский К. К. Арктические стратегии России 2014 и 2021: возможна ли преемственность при смещении приоритетов? Часть 1 // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2025. № 1. С. 7–25. <https://doi:10.37614/2220-802X.1.2025.87.001>.
10. Howlett M., Rayner J. Design principles for policy mixes: Cohesion and coherence in 'New Governance Arrangements' // Policy and Society. 2007. No. 26. P. 1–18. [https://doi:10.1016/S1449-4035\(07\)70118-2](https://doi:10.1016/S1449-4035(07)70118-2).
11. Lenschow A., Bocquillom P., Carafa L. Understanding coherence between policy spheres // Environmental Policy and Governance. 2018. No. 28. P. 323–328. <https://doi:10.1002/eet.1818>.
12. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1, кн. 1. Процесс производства капитала. Ленинград: Госполитиздат, 1952. 794 с.
13. Dewi D., Aytakin D., Schneider K. R., Covic N., Fanzo J., Nordhagen S., Resnick D. Defining and measuring policy coherence for food system transformation: A scoping review // Global Food Security. 2024. Vol. 43. 100803. <https://doi.org/10.1016/j.gfs.2024.100803>.
14. Debbage N., Atasoy M., Mitra C., Byahut S. Urban Climate Action Plans in the United States: A Textual Content Analysis and Evaluation // Sustainable Cities and Society. 2024. 106095. <https://doi.org/10.1016/j.scs.2024.106095>.
15. Kruskal W. H., Wallis W. A. Use of Ranks in One-Criterion Variance Analysis // Journal of the American Statistical Association. 1952. Vol. 47, Issue 260. P. 583–621.
16. Wilcoxon F. Individual Comparisons by Ranking Methods // Biometrics Bulletin. 1945. Vol. 1, No. 6. P. 80–83. <https://doi.org/10.2307/3001968>.
17. Esmonde K., Jones J., Johns M., Hutler B., Faden R., Barnhill A. "Lives versus livelihoods": Conflict and coherence between policy objectives in the COVID-19 pandemic // Social Science & Medicine. 2024. Vol. 357. 117188. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2024.117188>.

18. Kidd R., Reynolds C. Food policy coherence in local government: Who does what and why? // *Food Policy*. 2024. Vol. 129. 102740. <https://doi.org/10.1016/j.foodpol.2024.102740>.
19. Vidal-Hernández L., Cuevas-Jiménez A., De Yta-Castillo D., Ávila-Foucat V. S., Espejel I. Public policy instruments coherence analysis to address coastal risk in Yucatan, Mexico // *Marine Policy*. 2024. Vol. 167. 106280. <https://doi.org/10.1016/j.marpol.2024.106280>.
20. Albrecht E., Belinskij A., Heikkilä E. Policy coherence for ecosystem-based management: Implementing EU water and marine policies in the Archipelago Sea // *Marine Policy*. 2025. Vol. 171. 106427. <https://doi.org/10.1016/j.marpol.2024.106427>.
21. Ancapi F. B., Van den Berghe K., Van Bueren E. Circular city policy coherence in Greater London // *Cities*. 2024. Vol. 155. 105423. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2024.105423>.
22. Блануца В. И. Географическая экспертиза стратегий регионального цифрового развития: контуры формирующихся подходов // *География и природные ресурсы*. 2022. Т. 43, № 4. С. 5–11. <https://doi.org/10.15372/GIPR20220401>.
23. Сургуладзе В. Ш. Идеологическое измерение Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: сравнительный анализ документов 2015 и 2021 годов // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022. Т. 12, № 1. С. 60–69. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2022-12-1-60-69>.
24. Grimmer J., Stewart B. M. Text as Data: The Promise and Pitfalls of Automatic Content Analysis Methods for Political Texts // *Political Analysis*. 2013. No. 21 (3). P. 267–297. <https://doi.org/10.1093/pan/mps028>.
25. Baden C., Pipal C., Schoonvelde M., Van der Velden M. A. C. G. Three Gaps in Computational Text Analysis Methods for Social Sciences: A Research Agenda // *Communication Methods and Measures*. 2021. No. 16 (1), P. 1–18. <https://doi.org/10.1080/19312458.2021.2015574>.
26. Mayring P. Qualitative content analysis: Theoretical foundation, basic procedures and software solution. Klagenfurt, 2014. 143 p. URL: <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:0168-ss0ar-395173>.
27. Боярский К. К., Каневский Е. А. Нелокальные семантические связи в русскоязычных текстах // *Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики*. 2018. Т. 18, № 5. С. 863–869. <https://doi.org/10.17586/2226-1494-2018-18-5-863-869>.
28. Боярский К. К., Каневский Е. А. Семантико-синтаксический парсер SEMSIN // *Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики*. 2015. Т. 15, № 5. С. 869–876. <https://doi.org/10.17586/2226-1494-2015-15-5-869-876>.

References

1. Lenchuk E. B., Filatov V. I. Sovershenstvovanie metodologicheskikh podkhodov k formirovaniyu sistemy strategicheskogo planirovaniya v Rossii [Improvement of methodological approaches for formation of strategic planning system in Russia]. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk* [The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences], 2020, no. 4, pp. 9–26. <https://doi.org/10.24411/2073-6487-2020-10039>. (In Russ.).
2. Lenchuk E. B. Strategicheskoe planirovanie v Rossii: problemy i puti resheniya [Strategic planning in Russia: Challenges and solution]. *Innovatsii* [Innovations], 2020, no. 2, pp. 24–28. <https://doi.org/10.26310/2071-3010.2020.256.2.003>. (In Russ.).
3. Belyaevskaya-Plotnik L. A., Sorokina N. Yu. Sinkhronizatsiya prioritetov sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii i regionov v dokumentakh strategicheskogo planirovaniya [Synchronization of priorities of social and economic development of the Russian Federation and regions in strategic planning documents]. *Regionalnaya ekonomika. Yug Rossii* [Regional Economy. South of Russia], 2022, Vol. 10, no. 1, pp. 16–26. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2022.1.2>.
4. Minakir P. A. Rossiiskoe ekonomicheskoe prostranstvo. Strategicheskie tupiki [Russian economic space: Strategic impasses]. *Ekonomika regiona* [Economy of Region], 2019, no. 15 (4), pp. 967–980. <https://doi.org/10.17059/2019-4-1>. (In Russ.).
5. Kuznetsova O. V. Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii: illyuziya reshenii i real'nost' problem [Problems of elaboration of spatial development strategy of the Russian Federation]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], 2019, vol. 15, no. 4, pp. 107–125. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2019.4.107-125>. (In Russ.).
6. Bratchenko S. A. Nesoglasovannost' tselei v gosudarstvennom upravlenii [Inconsistency of goals in state governance]. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk* [The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences], 2023, no. 6, pp. 78–108. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2023_6_78_108. (In Russ.).
7. Klimanov V. V., Budaeva K. V., Chernyshova N. A. Promezhutochnye itogi strategicheskogo planirovaniya v regionakh Rossii [Preliminary results of strategic planning in Russian regions]. *Ekonomicheskaya politika* [Economic Policy], 2017, vol. 12, no. 5, pp. 104–127. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2017-5-06>. (In Russ.).

8. Blanutsa V. I. Prostranstvennoe razvitie Arkticheskoi zony Rossii: analiz dvukh strategii [Spatial development of the Russian Arctic Zone: Analysis of two strategies]. *Arktika: ekologiya i ekonomika* [Arctic: Ecology and Economy], 2021, vol. 11, no. 1, pp. 111–121. <https://doi.org/10.25283/2223-4594-1-111-121>. (In Russ.).
9. Volkov A. D., Roslyakova N. A., Kanevsky E. A., Boyarsky K. K. Arkticheskie strategii Rossii 2014 i 2021: vozmozhna li preemstvennost' pri smeshchenii prioriteto? Chast' 1 [Russia's Arctic strategies of 2014 and 2021: Is continuity possible amid shifting priorities? (Part 1)]. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka* [The North and the Market: Forming the Economic Order], 2025, no. 1, pp. 7–25. <https://doi.org/10.37614/2220-802X.1.2025.87.001>.
10. Howlett M., Rayner J. Design principles for policy mixes: Cohesion and coherence in 'New Governance Arrangements'. *Policy and Society*, 2007, no. 26, pp. 1–18. [https://doi.org/10.1016/S1449-4035\(07\)70118-2](https://doi.org/10.1016/S1449-4035(07)70118-2).
11. Lenschow A., Bocquillom P., Carafa L. Understanding coherence between policy spheres. *Environmental Policy and Governance*, 2018, no. 28, pp. 323–328. <https://doi.org/10.1002/eet.1818>.
12. Marx K. *Kapital. Kritika politicheskoi ekonomii. T. 1, kn. 1. Protsess proizvodstva kapitala* [Capital. A critique of political economy. Vol. 1, Book 1. The process of capitalist production]. Leningrad, Gospolitizdat, 1952, 794 p. (In Russ.).
13. Dewi D., Aytakin D., Schneider K. R., Covic N., Fanzo J., Nordhagen S., Resnick D. Defining and measuring policy coherence for food system transformation: A scoping review. *Global Food Security*, 2024, vol. 43, 100803. <https://doi.org/10.1016/j.gfs.2024.100803>.
14. Debbage N., Atasoy M., Mitra C., Byahut S. Urban climate action plans in the United States: A textual content analysis and evaluation. *Sustainable Cities and Society*, 2024, 106095. <https://doi.org/10.1016/j.scs.2024.106095>.
15. Kruskal W. H., Wallis W. A. Use of ranks in one-criterion variance analysis. *Journal of the American Statistical Association*, 1952, vol. 47, Issue 260, pp. 583–621.
16. Wilcoxon F. Individual comparisons by ranking methods. *Biometrics Bulletin*, 1945, vol. 1, no. 6, pp. 80–83. <https://doi.org/10.2307/3001968>.
17. Esmonde K., Jones J., Johns M., Hutler B., Faden R., Barnhill A. "Lives versus livelihoods": Conflict and coherence between policy objectives in the COVID-19 pandemic. *Social Science & Medicine*, 2024, vol. 357, 117188. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2024.117188>.
18. Kidd R., Reynolds C. Food policy coherence in local government: Who does what and why? *Food Policy*, 2024, vol. 129, 102740. <https://doi.org/10.1016/j.foodpol.2024.102740>.
19. Vidal-Hernández L., Cuevas-Jiménez A., De Yta-Castillo D., Ávila-Foucat V. S., Espejel I. Public policy instruments coherence analysis to address coastal risk in Yucatan, Mexico. *Marine Policy*, 2024, vol. 167, 106280. <https://doi.org/10.1016/j.marpol.2024.106280>.
20. Albrecht E., Belinskij A., Heikkilä E. Policy coherence for ecosystem-based management: Implementing EU water and marine policies in the Archipelago Sea. *Marine Policy*, 2025, vol. 171, 106427. <https://doi.org/10.1016/j.marpol.2024.106427>.
21. Ancapi F. B., Van den Berghe K., Van Bueren E. Circular city policy coherence in Greater London. *Cities*, 2024, vol. 155, 105423. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2024.105423>.
22. Blanutsa V. I. Geograficheskaya ekspertiza strategii regional'nogo tsifrovogo razvitiya: kontury formiruyushchikhsya podkhodov [Geographical expertise of regional digital development strategies: Contours of emerging approaches]. *Geografiya i prirodnye resursy* [Geography and Natural Resources], 2022, vol. 43, no. 4, pp. 5–11. <https://doi.org/10.15372/GIPR20220401>. (In Russ.).
23. Surguladze V. Sh. Ideologicheskoe izmerenie Strategii natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii: sravnitel'nyi analiz dokumentov 2015 i 2021 godov [The ideological dimension of the national security strategy of the Russian Federation: A comparative analysis of the documents of 2015 and 2021]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta* [Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University], 2022, no. 12 (1), pp. 60–69. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2022-12-1-60-69>. (In Russ.).
24. Grimmer J., Stewart B. M. Text as data: The promise and pitfalls of automatic content analysis methods for political texts. *Political Analysis*, 2013, no. 21 (3), pp. 267–297. <https://doi.org/10.1093/pan/mps028>.
25. Baden C., Pipal C., Schoonvelde M., Van der Velden M. A. C. G. Three gaps in computational text analysis methods for social sciences: A research agenda. *Communication Methods and Measures*, 2021, no. 16 (1), pp. 1–18. <https://doi.org/10.1080/19312458.2021.2015574>.
26. Mayring P. *Qualitative content analysis: Theoretical foundation, basic procedures and software solution*. Klagenfurt, 2014, 143 p. Available at: <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:0168-ssaoar-395173>.
27. Boyarsky K. K., Kanevsky E. A. Nelokal'nye semanticheskie svyazi v russkoyazychnykh tekstakh [Features of non-local semantic links in Russian texts]. *Nauchno-tekhnicheskii vestnik informatsionnykh tekhnologii, mekhaniki i optiki* [Scientific and Technical Journal of Information Technologies, Mechanics and Optics], 2018, Vol. 18, no. 5, pp. 863–869. <https://doi.org/10.17586/2226-1494-2018-18-5-863-869>. (In Russ.).

28. Boyarsky K. K., Kanevsky E. A. Semantiko-sintaksicheskii parser SEMSIN [SEMSIN semantic and syntactic parser]. *Nauchno-tekhnicheskii vestnik informatsionnykh tekhnologii, mekhaniki i optiki* [Scientific and Technical Journal of Information Technologies, Mechanics and Optics], 2015, Vol. 15, no. 5, pp. 869–876. <https://doi.org/10.17586/2226-1494-2015-15-5-869-876>. (In Russ.).

Об авторах:

Н. А. Рослякова — канд. экон. наук, старший научный сотрудник;
А. Д. Волков — канд. экон. наук, старший научный сотрудник;
Е. А. Каневский — канд. тех. наук, ведущий научный сотрудник;
К. К. Боярский — канд. физ.-мат. наук, старший научный сотрудник;
А. Д. Козлова — аналитик-программист, магистр по профилю «Компьютерная и прикладная лингвистика».

About the authors:

N. A. Roslyakova — PhD (Economics), Senior Researcher;
A. D. Volkov — PhD (Economics), Senior Researcher;
E. A. Kanevsky — PhD (Engineering), Lead Researcher;
K. K. Boyarsky — PhD (Physics and Mathematics), Senior Researcher;
A. D. Kozlova — Software analyst, Master's degree in Computational and Applied Linguistics.

Статья поступила в редакцию 12 февраля 2025 года.

Статья принята к публикации 21 апреля 2025 года.

The article was submitted on February 12, 2025.

Accepted for publication on April 21, 2025.